

Н. П. Свистунова*

**Из истории минского законодательства:
кодекс «Да Мин лин»**

АННОТАЦИЯ: Статья представляет собой общий очерк истории возникновения и формирования правовой системы империи Мин (1368-1644) и её важнейших памятников (прежде всего, «Да Мин лин») с изложением наиболее важных аспектов их структуры и содержания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Мин, Китай, право, законы, Да Мин лин, Да Мин люй, Чжу Юань-чжан

Правовые проблемы привлекли внимание основателя Минской империи Чжу Юань-чжана 朱元璋 (1328–1398, император с 1368) задолго до его вступления на престол. Он обратился к ним еще в разгар вооруженной борьбы против других повстанческих вождей и отдельных правительственных отрядов, направленной на объединение под его руководством южных районов страны, отпавших в ходе восстаний от власти монгольской империи Юань (1271–1368). Сразу же после взятия в марте 1364 года Учана 武昌, столицы повстанческой империи Хань 漢 (1360–1364), Чжу Юань-чжан провел со своими сподвижниками специальное совещание для обсуждения проблем, связанных с разработкой нового законодательства.

Постановка на повестку дня вопроса о выработке законов в указанное время, возможно, была непосредственно связана с провозглашением чжуюаньчжановской группировкой собственного

---

* Свистунова Наталия Павловна, к. и. н., ведущий научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН (Москва), lemborg1010@yandex.ru

государства. Этот акт был оформлен 4 февраля 1364 г. принятием Чжу Юань-чжаном титула У-вана 吳王 — властителя владения У. Созыв его, несомненно, свидетельствует о понимании Чжу Юань-чжаном и его окружением важной роли права в упрочении нового социального порядка, рождавшегося на контролируемой ими территории.

Вплотную к разработке собственных правовых установлений в государстве У приступили лишь через три с лишним года. 3 ноября 1367 г. в разгар подготовки к провозглашению империи Чжу Юань-чжан назначил комиссию из 28 человек во главе с первым канцлером Ли Шань-чаном (李善長, 1314–1390), поручив ей составить законы (*люй* 律) и предписания (*лин* 令). Это решение увязывается с созданием цензорской службы, а также достаточно разветвленных и дееспособных контрольно-судебных органов на местах.

Персональный состав комиссии, в которую, с одной стороны, были включены практически все высшие должностные лица государства У, а с другой – крупные чиновники, непосредственно связанные с повседневной судебной практикой, красноречиво свидетельствует о том, какое важное значение придавалось разработке нового законодательства.

Присутствие же среди членов комиссии ряда крупных ученых: Тао Аня (陶安, 1310/1315–1368), Чжоу Чжэня (周楨, ум. после 1370), Лю Миня (劉敏, ум. 1409), Тэн И 滕毅, Лю Вэй-цяня (劉惟謙, ум. после 1373) и Лю Цзи (劉基, 1311–1375), славившихся своими познаниями и пользовавшихся популярностью в ученых конфуцианских кругах, придавало ей несомненный авторитет не только в глазах образованной части общества, но и всего населения.

Комиссия завершила свою работу в поразительно короткий срок: уже 23 декабря 1367 г. ею была представлена «Книга» (*шу* 書), насчитывавшая 285 законов и 145 предписаний. Таким образом, к моменту провозглашения империи по существу были составлены два кодекса. Один (*люй* — законы) целиком принадлежал к области уголовного права, другой (*лин* — предписания) тематически был значительно шире: включенные в него общеобязательные предписания формировали основополагающие начала общественного и государственного порядка.

Ошеломляющая эффективность деятельности комиссии, возможно, объясняется тем, что ее непосредственным занятием предшествовала какая-то подготовительная работа и сотрудники Ли Шань-чана лишь просматривали, обсуждали, отбирали и редактировали ранее сделанное, после чего представили на суд Чжу

Юань-чжана. На такое предположение наталкивает и призыв отнестись с максимальным усердием к «сопоставлению законов», содержащийся в чжуюаньчжановском наказе.

Источники не сообщают, каким образом была скомпонована эта книга минских правовых установлений и какой принцип был положен в основу классификации законов и предписаний. Собрание последних известно под названием «Да Мин лин» (大明令 «Предписания Великой [династии] Мин»). Вследствие отсутствия каких-либо сведений о пересмотре их в последующее время считается, что они дошли до нас в первоизданном виде. В современном издании (см. [2]), воспроизводящем публикацию конца XVI века, они разбиты на шесть разделов, названия которых соответствуют наименованиям шести центральных ведомств Минской империи, хотя в момент создания книги было всего четыре таких органа, к тому же функционировавших не самостоятельно, а в рамках Центрального секретариата (*Чжун шу шэн* 中書省).

По количеству входящих в них статей, а следовательно, и по кругу охватываемых ими вопросов разделы крайне неравномерны: в первом насчитывается 20, во втором — 24, в третьем — 17, четвертом — 11, пятом — 71 и шестом — две статьи. Статьи не имеют ни названий, ни нумерации (поэтому при ссылке на них для удобства читателей мы даем их порядковый номер, но заключаем его в квадратные скобки) и в большинстве своем невелики по объему.

Что же касается расположения статей внутри разделов, то оно весьма хаотично: здесь нельзя обнаружить ни логического, ни тематического порядка. Вместе с тем «Да Мин лин» является весьма ценным не только юридическим, но и историческим источником.

Первый раздел кодекса «Да Мин лин», озаглавленный «Ли лин» (吏令 «Предписания [по Ведомству] чинов»), открывается статьей, теснейшим образом связанной с конкретной ситуацией, сложившейся в тот период на территории, контролируемой чжуюаньчжановской группировкой. Одной из самых сложных проблем, стоявших перед последней, к тому же требовавшей принятия незамедлительных мер, была острая нехватка управленческих кадров. Поэтому поиски и выявление их были отнесены к числу первоочередных задач. Для решения ее были задействованы различные способы. Сам Чжу Юань-чжан обращался к известным конфуцианским ученым, оказавшимся на захваченной им территории, за советами, приглашал их в свою ставку Интянь 應天 (современный Нанкин) для бесед о будущем устройстве страны и предлагал им чиновничьи должности. Весной 1364 г. местным властям было отдано распоряжение отбирать из народа

грамотных и способных молодых людей и рекомендовать их для занятия гражданских и военных постов, в том же году возникла практика (продолжавшаяся и после провозглашения империи) посылки нанкинских чиновников в округа и уезды для отыскания талантливых, честных и добродетельных лиц, достойных назначения на государственную службу.

Решению указанной задачи в определенной степени должна была также способствовать и первая статья рассматриваемого кодекса, предписывавшая сотрудникам Цензората (*Юйши тай* 御史臺) представлять императору доклады обо всех талантливых и бескорыстных гражданских и военных чиновниках, сведущих в делах управления.

Некоторую роль в формировании дееспособного кадрового резерва могла играть и [статья 11], хотя формально она должна была служить лишь основой для проведения проверок. Согласно ей, дисциплинарному отделу (буквально: отделу поступков — *син-чжи кэ* 行制科) Ведомства чинов (*Ли фан* 吏房) Центрального секретариата надлежало завести журнал «персональных дел» лиц, отобранных на замещение вакантных чиновничьих должностей. В него должна была заноситься информация о трех поколениях их предков, а также подробные сведения о самих кандидатах: их возрасте, месте рождения, основные данные относительно прохождения службы — прибытие к месту назначения, срок очередной переаттестации, необходимость замены, даты перевода на другое место, — характеристика личных качеств и присвоенные им чиновничий ранг и его степень.

В минское время существовало девять чиновничьих рангов (*пинь* 品). Однако фактически иерархическая лестница ранжированных чиновников насчитывала 18 ступеней, поскольку каждый ранг в свою очередь подразделялся на две степени (*дэн* 等): высшую (*чжэн* 正) и низшую (*цзун* 從).

В нескольких предписаниях были прописаны правила замещения чиновничьих должностей и порядок прохождения государственной службы. Во избежание злоупотреблений, проистекающих из отношений кумовства, был воспринят традиционный принцип, запрещавший назначать на чиновничьи посты в соподчиненных присутствиях близких родственников (отца и сыновей, братьев, дядей и племянников), а также заполнять вакансии уроженцами данных провинций. В случае возникновения подобной ситуации младший по положению должен был быть отстранен от занимаемой должности и переведен на другое место.

Кроме того, очевидно, стремясь не допустить чрезмерного усиления периферийных должностных лиц и прочного сращивания их с представителями местных влиятельных кланов, что неизбежно вело к ослаблению позиций центральной власти, возможности осуществления разнообразных махинаций и прочим негативным последствиям, составители кодекса сочли необходимым лимитировать время нахождения упомянутых чиновников на одной и той же должности тремя годами. По истечении их чиновники были обязаны вместе с женами и детьми незамедлительно покинуть место службы и с выданной характеристикой явиться в Центральный секретариат, с тем чтобы на следующий день по приезду быть представленным императору. Однако, осознавая реальную ситуацию нехватки управленческих кадров, законодатели в этой же статье сделали оговорку, что в случае невозможности замены чиновника, занимающего какую-либо штатную должность, ему разрешалось от себя лично подать бумагу о своих достижениях и допущенных ошибках в течение указанного срока и прибыть на аудиенцию к государю. Если за истекший период он не допустил «обхода законов», то его возвращали на прежнее место службы.

Вместе с тем, будучи реалистами, творцы «Да Мин лин» четко представляли неминуемое ослабление возможностей людей с возрастом, поэтому [статьей 2] был введен возрастной ценз пребывания на государственной службе: по достижении 70 лет чиновник был обязан уйти в отставку. Это правило не распространялось лишь на лиц, назначенных по особому императорскому указу.

В кодексе также были зафиксированы правила и условия карьерного роста должностных лиц. В соответствии со [статьей 17] все чиновники пяти низших рангов (начиная с девятого и по пятый включительно) должны были подвергаться регулярным испытаниям (проверкам, экзаменам — *као* 考), или, говоря современным языком, проходить аттестацию. Для служивших в столице такая процедура проводилась через каждые 30 месяцев, на периферии — через три полных года. После нее чиновники повышались на одну степень.

Текст статьи сформулирован таким образом, что создается впечатление, будто продвижение по службе происходило автоматически — за выслугу лет. Однако на практике дело обстояло иначе. В условиях жестокой хозяйственной разрухи, охватившей многие районы вследствие внутренних неурядиц и войн, вполне понятно, что карьерный рост чиновников мог не увязываться с реальными достижениями на служебном поприще. Свои выводы

об итогах деятельности местных администраторов вышестоящие инстанции строили на достоверных (реальных) показателях, а не формально-бумажных отписках. Отсюда введение проверок со стороны столь влиятельных сановников и серьезных учреждений, какими являлись столичные цензоры и провинциальные судебные контрольные управления.

В связи с данным намерением несомненный интерес представляет [статья 7] упомянутого кодекса. Согласно ей, первоочередной задачей каждого вновь прибывшего к месту назначения главы уезда, округа или области являлось направление доклада вышестоящему органу о количестве населения, земли и причитающихся налогов, зафиксированном при передаче ему полномочий предыдущим начальником. Эта бумага должна была быть доведена до сведения Центрального секретариата и служить основанием при проведении проверок. Таким образом, центральная власть стремилась свести к минимуму субъективные заключения контролирующих чиновников при оценке работы если не всех местных должностных лиц, то хотя бы руководителей административных единиц.

Что же касается повышения по службе крупных чиновников, то обладателям четвертого ранга после 60-месячного периода нахождения на службе без каких-либо проверок (аттестационных процедур), независимо от имеющейся у них степени присваивали третий ранг. Таким образом некоторые представители этой группы могли перепрыгнуть через одну ступеньку и сразу получить повышение на целый ранг, а не на одну степень, как это было предусмотрено в отношении носителей более низких рангов. Дальнейший карьерный рост этих чиновников целиком зависел от умонастроения или расположения императора. Для него не требовалось ни постепенно-последовательного продвижения по служебной лестнице, ни фиксированного срока пребывания на той или иной должности.

В целях повышения эффективности государственных учреждений в «Да Мин лин» было внесено несколько предписаний, регулировавших повседневную деятельность управленческого аппарата. Во избежание бюрократических проволочек были установлены строго ограниченные временные рамки для вынесения решений по различным делам: на рассмотрение мелких дел отводилось пять дней, средних — семь, сложных — десять. Исключения допускались лишь для случаев, требовавших личной встречи чиновников разных областей или персональной командировки соответствующего должностного лица для выяснения вопроса на месте.

Содержались в кодексе и дополнительные меры, направленные на искоренение волокиты и ненадлежащего выполнения обя-

занностей. В частности, канцеляристам всех столичных и периферийных присутствий предписывалось в тот же день завершить оформление подготовленных документов, а старшим канцелярским чиновникам каждые десять дней сообщать о служебных упущениях сотрудников своих учреждений.

Однако, по-видимому, не слишком полагаясь на этот самоконтроль, законодатели сверх того постановили, чтобы ежеквартально бумаги всех присутствий поступали на проверку в Центральный и Региональные секретариаты (региональные правительственные советы *син чжун шу шэн* 行中書省). Там специальные чиновники должны были вскрывать допущенные промедления и исправлять совершенные ошибки в установленном порядке.

Кроме того, ради улучшения работы управленческого аппарата составители «административного» кодекса сочли целесообразным ввести в него уходящий корнями в глубокое прошлое принцип совместной ответственности, практически неизменно присутствовавший в традиционном китайском праве. Применительно к рассматриваемой проблеме он состоял в том, что за ошибку, допущенную в делах, к ответственности привлекался не только совершивший ее чиновник, но и его сослуживцы. Однако при обнаружении ошибки самим виновником или кем-либо из его коллег все они подлежали освобождению от наказания за одним исключением: в случае приведения в исполнение неправильно вынесенного приговора данная статья не применялась.

В рассматриваемом разделе, помимо приведенного, имеются еще три статьи относительно правового положения действующих и бывших должностных лиц.

Очевидно, для недопущения оказания прямого давления на суд одна из них запрещала чиновникам и делопроизводителям всех присутствий при возникновении споров из-за земли, денежного долга, а также в связи с заключением брака «самовольно отправлять официальную бумагу» с исковым заявлением. Для разрешения возникшей коллизии право подачи жалобы было предоставлено их домочадцам. Нарушители данного постановления подлежали наказанию за неположенные действия.

Другая статья разрешала чиновникам-делопроизводителям всех присутствий, еще не подвергшихся наказанию или штрафу за выявленные при проверке промедления, ошибки и лично-бескорыстные преступления, откупаться от полагающихся за них наказания, а находящихся в трауре по родителям, вышедших в отставку или уволенных с должности вообще освобождала от судебного преследования за такие проступки.

Однако когда дело касалось присвоения или каких-либо проблем, связанных с казенными деньгами и зерном, чиновников и делопроизводителей, даже находившихся в трауре по родителям, полагалось в соответствии с законом вызвать на допрос. Следственные же действия, естественно, могли вылиться в возбуждение судебного процесса и вынесение обвинительного приговора.

Во втором разделе «административного» кодекса — «Ху лин» 戶令 («Предписания [по Ведомству] финансов») — наибольшее количество статей (11 из 24) прямо или косвенно посвящено семье и браку. Такое повышенное внимание к этим проблемам было связано с возникшим еще в древности воззрением, что прочный брак и складывающаяся на этом фундаменте нравственно здоровая семья представляют собой важнейший оплот общества и государства, основу их стабильности и прочности.

Кодекс предписывал, что браки должны заключаться лишь по достижении брачующимися «подходящего возраста», запрещалось принимать во внимание ссылки на беременность и договор о свадьбе еще не рожденных детей.

Отдельная статья очерчивала круг лиц, которые должны были выступать в качестве ответственных за брачную церемонию (устроителей брака), предусматривала различные ситуации, которые могли возникнуть до фактического вступления в брак (смерть жениха; совершение им кражи или преступления, караемого высылкой, ссылкой либо изгнанием из деревни; бегство мужчины; беспричинное незаключение брака в течение пяти лет; прелюбодеяние невесты) и позволяли расторгнуть помолвку, устанавливала порядок возвращения или невозвращения семьей женщины в таких случаях свадебных подарков, а также возможность выдачи некогда просватанной невесты замуж за другого.

Несколько статей кодекса должны были способствовать поддержанию и прославлению традиционных морально-этических принципов, требовавших заботливого и уважительного отношения к старшим и верности семейному долгу:

1. Семьи простолюдинов, достигших 80 лет, имевшие единственного сына, при наличии у них земельной собственности получили разрешение нанимать посторонних для выполнения всех видов причитавшихся с них повинностей. Безземельным домохозяйствам позволили оставлять дома для ухода за стариками одного полновозрастного трудоспособного члена семьи и предоставляли ему освобождение от разнообразных неопределенных повинностей, к несению которых привлекались все трудоспособные лица мужского пола независимо от экономического положения семьи.

2. Старший внук, рожденный официальной женой старшего сына, в результате смерти последнего ставший наследником деда и получивший благодаря его покровительству чиновничью должность, по смерти деда был обязан носить по нему трехлетний глубочайший траур. Узнав о кончине деда, он должен был поспешить на его похороны и приступить к соблюдению траура. Нарушители этого закона подлежали наказанию.

3. Сыновья и внуки при жизни деда, бабки, отца и матери не могли без их разрешения произвести раздел имущества и поселиться отдельно.

4. Семьи, в которых женщины, овдовевшие до исполнения им тридцати лет и после достижения ими пятидесятилетнего возраста, «не изменяя целомудрию», хранили верность покойному мужу, получали освобождение от повинностей, а кроме того, на арках ворот их домов и всей деревни делалась прославляющая надпись.

Вместе с тем, несмотря на извечную установку о важности и необходимости поддержания прочных семейных уз, составители «Да Мин лин», учитывая вероятность различных негативных ситуаций, сочли необходимым внести в него статью, присутствовавшую в праве предыдущих эпох и предусматривавшую возможность прекращения супружеских отношений. Однако для реализации ее требовались серьезные основания. Они именовались «семью [причинами для] изгнания» жены и заключались в бесплодии (точнее, отсутствии сыновей мужского потомства), половой распущенности, непослушании свекру и свекрови, болтливости, воровстве и дурной болезни. Разумеется, любая из перечисленных причин могла отрицательно сказаться на благополучии семьи и взаимоотношениях ее членов, тем не менее право мужа на развод было ограничено традиционными морально-этическими нормами. Они не позволяли расстаться с женой, если та вместе с супругом соблюдала трехлетний глубочайший траур по его родителям, если семья мужа за время их совместной жизни из бедной и худородной превратилась в богатую и уважаемую и если супруга лишилась близких, к которым могла бы вернуться после развода.

Во избежание имущественных споров несколько предписаний довольно подробно регулировали порядок наследования и раздела домашнего имущества и земли. Согласно [статье 22], они подлежали разделу на равные доли между всеми сыновьями покойного, независимо от того, кем те были рождены: официальной женой, наложницами или рабынями. При наличии незаконнорожденных сыновей последние должны были получать половинную долю. До-

чери наследовали имущество родителя лишь за неимением братьев и сородичей мужского пола, которые в соответствии с законом могли быть объявлены наследниками покойного. При отсутствии дочерей и родственников мужчин из той же фамилии, подходящих на роль наследника, имущество семьи отходило казне.

Если не имевший мужского потомства человек избирал себе наследника, а впоследствии у него рождался собственный сын, семейное имущество тем не менее подлежало разделу между ними поровну. Когда не имевшие сыновей супруги приглашали в дом зятя, чтобы тот был им опорой в старости, достояние семьи также делилось на равные части между ним и требуемым законом наследником. Вдовам, хранившим верность умершим мужьям и не имевшим собственных сыновей, полагалось выделить долю на старость. В случае вступления в повторный брак они теряли право на получение такой доли и принесенное в свое время приданое, которое поступало в распоряжение семьи покойного мужа.

Из приведенного выше явствует, что правом на получение имущества усопшего обладали лишь лица мужского пола и только в исключительном случае, при пресечении мужской ветви рода, имущество переходило к дочерям покойного.

При разделе наследства и определении конкретной доли, причитающейся каждому наследополучателю, во внимание принимались два обстоятельства: количество наследников и их происхождение. Наследниками первой очереди считались сыновья усопшего, однако в отношении них законодатели ввели дифференцированный подход: с одной стороны, сыновья от официальной жены, наложниц и рабынь, а с другой — внебрачные отпрыски.

По китайским воззрениям, важнейшей целью создания семьи являлось продолжение рода для заботы о душах покойных предков путем принесения им регулярных жертв. Выполнение этой миссии традиционно лежало на главе семьи. Поэтому проблема наследования его статуса, вполне естественно, не могла остаться вне поля зрения общеобязательных предписаний.

Основанием для наследования являлся закон, так как понятия «завещание» в минском праве не существовало, а также старшинство в определенной родственной группе, т. е. среди сыновей, внуков, племянников и т. д. К наследству прежде всего призывался старший сын от официальной жены, а в случае его кончины или неизлечимой болезни — старший сын последнего тоже от официальной жены. При отсутствии мужского потомства от супруги старшего сына право преемства переходило к следующему сыну жены наследодателя.

Наследниками «второй очереди» являлись сыновья от наложниц. Однако возможность получения статуса наследника открывалась перед ними только после истечения детородного возраста у не имевшей сыновей официальной жены, который, согласно закону, наступал в 50 лет. При этом решающим обстоятельством при выборе наследника являлся возрастной фактор, а не личные качества наследополучателя или чувства наследодателя.

Затем очередь переходила к родным (по-видимому, как правило, прошедшим процедуру усыновления), в соответствии со степенью близости родства. Последнее выражалось опосредованно через сроки траура (годовой, десяти-, пяти- и трехмесячный), которые полагалось носить наследодателю по своему потенциальному преемнику. Важнейшим условием причисления к кругу возможных наследников являлось кровное родство по мужской линии, а при пресечении рода – исконная принадлежность к такой же фамилии. При этом непременно следовало соблюсти два момента: наследник всегда должен был принадлежать к нисходящему поколению и им нельзя было сделать даже усыновленно-го из другой фамилии.

В случае кончины человека, не имевшего сыновей и не назначившего себе наследника, выбором его должны были заняться старшие члены рода покойного, а не его вдова.

Другая большая группа предписаний рассматриваемого раздела прямо или косвенно относилась к различным аспектам налогообложения населения.

В экономической структуре минской эпохи исключительно важная роль принадлежала повинностям. Возведение дворцов, государственных храмов, учреждений и хозяйственных построек, строительство и ремонт ирригационных сооружений, дорог и мостов, изготовление тканей, оружия и прочих изделий в казенных и императорских мастерских, обслуживание транспортно-курьерских станций, присутственных мест, казенных житниц и хранилищ, транспортировка многочисленных военных и гражданских грузов, управление делами административно-фискальных объединений в сельской местности (*ли* 里), а также городских кварталов и пригородов, в значительной мере поддержание общественного порядка на местах и многое другое осуществлялось путем привлечения населения к отбыванию принудительного труда в результате разверстки повинностей по дворам и здоровым полновозрастным мужчинам. В этой связи скрупулезный и точный учет дворов и трудоспособного населения, а также установление экономического состояния хозяйств приобретали пер-

востепенное значение для равномерного распределения повинностей и охвата казенными работами всех трудоспособных жителей страны. На достижение этой цели была направлена первая статья предписаний по Ведомству финансов. Она гласила, что жителям всех мест, пропустившим при записи в реестр члена семьи или всего двора, разрешается прибыть с повинной к местным властям, с тем чтобы те освободили их от полагающегося за это наказания, занесли в реестр и обложили повинностями. Исправному отбыванию повинностей должна была способствовать и [статья 34], запрещавшая из своей профессионально-сословной группы, куда домовладение было занесено на основании ранее поданного заявления хозяина, переходить в другие. Нарушители этого запрета подлежали наказанию, а власти должны были придерживаться первоначальных списков.

Для восстановления сельского хозяйства, разрушенного в ходе десятилетий внутренних войн и восстаний, новой династии было необходимо незамедлительно начать проведение мер по недопущению обезземеливания крестьянства и пресечению введения произвольных поборов местными властями сверх постоянных и твердых налогов, установить которые во время борьбы за власть неоднократно обещал Чжу Юань-чжан. Несколько предписаний, включенных в «Да Мин лин», несомненно были первыми шагами на этом пути. [Статья 36] запрещала населению дарить сыновьям и зятям императора, заслуженным сановникам и любым присутствиям землю, горные рудники и печи для плавки металлов. Округам и уездам было предписано завести регистрационные книги для того, чтобы фиксировать в них в случае продажи или заклада земли уменьшение налога с прежнего владельца и обложение нового хозяина, дабы народ не страдал от того, что «имущество ушло, а налог остался». Столичным и периферийным крупным и мелким присутствиям было запрещено самоуправно без получения бумаги сверху вводить новые налоги. Центральному секретариату для этого надлежало обратиться с докладом к императору и получить от него положительный ответ. Для минимизации количества злоупотреблений при приеме натуральных налогов, заключении торговых сделок, отпуска из казны провианта и различных вещей в [статье 40] были прописаны конкретные способы повсеместной унификации мер объема, веса и длины в соответствии с образцами, спущенными из столицы. Это способствовало облегчению экономических связей между разными регионами империи.

В двух первых статьях раздела «Ли лин» 禮令 («Предписания [по Ведомству] церемоний») были прописаны правила размещения чиновников на аудиенциях у императора согласно их рангам, а также оформления поздравительного адреса государю. Совершенно очевидно, что они были поставлены в самое начало раздела из-за пиетета к главе государства. Что же касается остальных статей, то в расстановке их не просматривается какого-либо продуманного плана. Тем не менее по содержанию и сферам применения их можно сгруппировать в несколько блоков.

Один из них был направлен на сохранение традиционных конфуцианских семейных устоев. [Статья 48] предоставляла право оставления должности для ухода за дедом, бабкой, отцом и матерью по достижении теми 70 лет, если в семье не было других совершеннолетних мужчин, и предусматривала возможность возвращения на службу по окончании положенного траура по указанным лицам.

[Статья 49] обязывала начальников административно-территориальных единиц отмечать почетными знаками ворота домов «образцовых сыновей, почтительных внуков, вдовцов, не вступивших во второй брак, добродетельных вдов, хранящих верность покойному мужу» и делать о них представления столичным цензорам и провинциальным судебным-контрольным управлениям (*Ань-ча сы* 按察司), с тем чтобы те докладывали о них вышестоящим властям.

[Статья 50] — самая большая в «административном» кодексе — устанавливала сроки ношения траура по близким и дальним родственникам прежде всего из рода/клана отца, а также части родственников из клана матери и некоторым родственникам по браку.

[Статья 53] предписывала населению совершать брачные церемонии в соответствии с книгой Чжу Вэнь-гуна 朱文公 (Чжу Си 朱熹)¹ «Семейные ритуалы Чжу-цзы» (*Чжу-цзы цзя-ли* 朱子家禮).

Следующий блок из четырех статей содержал краткие правила отправления некоторых официальных религиозных культов. По каким-то причинам законодатели сочли возможным ограничиться культами трех почитаемых императоров; духов полей и

---

¹ Чжу Си (朱熹, 1130–1200), прозвания (*цзы* 字) Юань-хуэй 元晦 и Чжун-хуэй 仲晦, псевдоним (*хао* 號) Хуэй-ань 晦庵 — выдающийся философ, один из основоположников неоконфуцианства, придавший этому учению универсальную и систематизированную форму. Также автор многих работ по истории, этике. Вэнь-гун – его высочайше пожалованное посмертное почётное имя.

злаков, ветра, грома и дождя; древних государей — основателей Чжоу — У-вана 武王 и Чэн-вана 成王 (правили в середине – второй половине XI в до н. э.), а также Конфуция (551–479). Во всех статьях обязательно указывались количество жертвоприношений этим лицам и явлениям, точная дата и конкретное место их совершения, часто сообщалось, сколько риса выдавалось из казны для проведения таких церемоний в областях, округах и уездах, иногда перечислялся жертвенный скот, использовавшийся при отправлении ритуала в столице.

Значительное место в данном разделе отведено регламентациям одежды, головных уборов, поясов, жилищ, могил и т. д. основных специальных слоев империи — чиновничества и просто-народья. Они подробно изложены в [статье 51] и предварены очень интересной «преамбулой». В ней говорится, что вышестоящим дозволено одновременно пользоваться вещами, предназначенными для нижестоящих, нижестоящим же нельзя пользоваться вещами, предназначенными для вышестоящих; чиновников по завершении службы, вышедших в отставку, следует рассматривать одинаково с ныне находящимися на должности. Если отец или дед были чиновниками, скончавшимися, не совершив преступления, за которое полагалось увольнение со службы (исключение из списка чиновников без права получения другого поста), их сыновьям и внукам разрешается жить в домах отцов и дедов, пользоваться одеждой и экипажами, такими же, какие были у их отцов и дедов согласно пожалованным им чиновничьим рангам.

В разделе имелась еще одна статья, посвященная парадному костюму гражданских и военных чиновников. В ней для каждого ранга были прописаны: такая деталь кроя, как запах на правую сторону; вид шелковой ткани и ее расцветка, полагавшиеся для изготовления верхнего платья (халата); цвет и украшения обруча-пояса, являвшегося неотъемлемой частью одеяния должностного лица. [Статья 52] разрешала чиновникам в случае непогоды — дождя и снега — являться ко двору в повседневной одежде.

В двух предписаниях была разработана довольно детальная система поощрения гражданских и военных чиновников. Те из них, кто проявили верность и отличились образцовым выполнением служебных обязанностей, в случае кончины в связи с государственными делами посмертно повышались на две ступени по сравнению с их нынешней степенью, а их сыновья получали в наследство ранговую степень на один разряд ниже фактической (т. е. предсмертной) степени отца. Если же чиновник погибал в бою, его следовало повесить на три ступени, а сыну пожаловать

ранговую степень, равную фактической степени родителя. При отсутствии сыновей на службу зачислялось лицо, долженствующее наследовать покойному, с присвоением ему более низкой (не указано какой именно) степени. В честь таких безупречных слуг трона местные власти должны были на их родине возвести памятные храмы и в положенное время совершать в них соответствующие жертвоприношения.

Для поощрения действующих должностных лиц была разработана система посмертных пожалований – титулов (*цзюэ* 爵) и почетных званий (*сюнь* 勳) — трем поколениям их предков, а также присвоения почетных титулов их матерям и женам. Однако она охватывала не всех представителей чиновничьей прослойки, а только обладателей первых семи рангов.

Наличие таких предписаний в «Да Мин лин» являлось следствием глубоко укоренившегося воззрения, что для эффективного управления страной правителю необходимо опираться не только на наказания, но и на награды.

В разделе «Предписания по Военному [ведомству]» (*Бин лин* 兵令) более половины (6 из 11) статей не имеют непосредственного отношения к регулярной армии. Самая большая статья, открывающая данный раздел, устанавливала правила набора служителей (*цихоу* 祇候) гражданских присутствий, тюремщиков и солдат-лучников для управлений охраны порядка (букв. Патрульно-контрольные управления, *Сюнь цзянь сы* 巡檢司), а также численность таких лиц для областей, округов и уездов. Их следовало набирать из дворов, уплачивавших от двух до трех *даней* (1 *дань* 石 — в минское время 107,337 л) осеннего зернового налога, иначе говоря, из дворов собственников или арендаторов казенных земель. Взамен этой службы такие домохозяйства получали освобождение от трудовых повинностей. Управления охраны порядка были учреждены на всех внутренних заставах, сетью которых была покрыта территория Минской империи, и на речных переправах. Они должны были осуществлять контроль за передвижением населения, перевозками казенного зерна, транспортировкой купеческих товаров, производить поимку соляных контрабандистов, преступников, беглых солдат и заключенных. Количество служителей и тюремщиков, полагавшихся областям, округам и уездам, зависело от суммы осеннего зернового налога, поступавшего от них в казну. По этому показателю все территориально-административные единицы были разбиты на три категории: высшую, среднюю и низшую. Областям, вносившим более 200 000 *даней*, полагалось 20 служителей и 15 тюремщиков, бо-

лее 100 000 — соответственно 18 и 13, менее 100 000 *даней* — 15 и 12. Столичная область шла отдельной строкой и имела право на 20 служителей и 30 тюремщиков. Для округов и уездов, сдававших более 100 000 *даней*, более 50 000 и менее 50 000 *даней* были предусмотрены соответственно следующие квоты: 15, 13 и 10 служителей и 10, 8 и 7 тюремщиков.

Что же касается солдат-лучников, то управлениям охраны порядка, находившимся в подчинении округов и уездов, полагалось иметь по 30 человек, а располагавшимся вдоль реки Янцзы — по 100.

Основатель Минской империи и его сподвижники очень рано осознали важность и необходимость наличия такого института, как государственная почта, для обеспечения постоянной и беспрепятственной связи между центром и периферией, а также местных органов власти между собой. Поэтому еще до провозглашения империи на подведомственной им территории они приступили к организации специальных учреждений для выполнения этих задач. Так как ареалом восстания Чжу Юань-чжана к моменту его вступления на императорский престол являлись районы Центрального и Восточного Китая со множеством рек, проток, озер и искусственных каналов, где в большинстве местностей основным средством сообщения, по-видимому, были лодки, то неудивительно, что составители «Да Мин лин» внесли в него четыре предписания относительно создания «водных» (т. е. лодочных) станций, а также некоторых аспектов их функционирования. Эти станции предназначались для обслуживания представителей государственного аппарата, командируемых в разные места с теми или иными служебными поручениями.

Для обмена информацией между учреждениями на местном уровне, передачи распоряжений, отчетов, просьб и т. д. в центр были созданы почтовые учреждения еще одного типа. Они назывались *цзи-ди пу* 急遞鋪 (станции срочной [поэтапной] доставки [казенных бумаг]) и должны были находиться на расстоянии 15 *ли* (1 *ли* 里 в минское время = 570,6 м) друг от друга. На каждую станцию назначался начальник (*пу-сы* 鋪司) и четыре солдата (*бин* 兵).

Каждого солдата полагалось снабдить: комплектом деревянных обложек для лучшей сохранности пересылаемой корреспонденции; подвесным колокольчиком; пикой с кистью; тремя *чи* (1 *чи* 尺 — 31,7 см) промасленной шелковой материи; длинным халатом на подкладке из мягкой и прочной шелковой материи; шляпой из бамбукового лыка; дождевым плащом; красной дубинкой для самозащиты и регистрационным журналом.

Что же касается самих станций, то их надлежало оборудовать солнечными часами с делениями, соответствовавшими $1/12$ части суток, ночным негаснущим фонарем, красными столбами у ворот и вывеской с ее названием. Кроме того, каждой станции следовало выдать два экземпляра журналов, с тем чтобы в одном фиксировать пересылавшиеся донесения местных органов наверх, а в другом — распоряжения вышестоящих властей.

Что же касается предписаний, непосредственно относящихся к регулярной армии, то здесь в первую очередь следует отметить [статью 67]. Она была направлена на обеспечение двора срочной и правдивой информацией о военной обстановке на местах, что в условиях продолжавшихся боевых действий и беспокойной ситуации на подконтрольной территории, вполне естественной после многих лет ожесточенной борьбы, имело чрезвычайное значение для судеб новосозданной империи. В статье было подробно прописано, кому и в каком порядке всем гражданским и армейским учреждениям следует направлять соответствующие донесения. Это одно из немногих предписаний, в котором прямо указаны конкретные карательные меры, которые должны были быть приняты против нарушителей данного закона. За сокрытие информации или промедление доведения ее до сведения императора виновных надлежало судить и наказывать как «коварных сановников»: легко — ссылкой в местности с нездоровым климатом, тяжело — смертной казнью.

Упрочение положения новой династии было невозможно без наведения порядка на местах и завоевания доверия населения. Одним из путей достижения этих целей являлось ограничение своеволия и бесчинств со стороны армии. Понимание важности этой проблемы обусловило включение в кодекс [статьи 65], под угрозой наказания запрещавшей офицерам и солдатам во вновь присоединенных городах, торговых местностях и деревнях под предлогом умиротворения уничтожать дворы простолюдинов, а также грабить их имущество, захватывать жилища, силой забирать жен и дочерей.

Другая статья не разрешала офицерам под разными хитроумными предложениями хватать население и зачислять его в солдаты. Беглых солдат можно было вернуть в состав войска только после подачи обоснованного доклада Главного военного командования (*Да ду-ду фу* 大都督府) в столице или региональным правительственным советам на местах. В свою очередь, простолюдином запрещалось ложно объявлять себя дворами «резервистов» (*те ху* 貼戶) с целью уклонения от повинностей.

Одно из предписаний было посвящено военно-технической проблеме размещения караульных постов на городских стенах. В столице они должны были находиться на расстоянии 20 *чжан* (1 *чжан* 丈 в минскую эпоху = 3, 17 м) друг от друга, а в пограничных районах — десяти.

Отдельная статья устанавливала порядок передвижения солдат и простолюдинов по стране. Перемещение из места дислокации или постоянного проживания было возможно лишь после подачи заявления властям и получения подорожной (*вэнь-инь* 文引). Солдаты, ушедшие за 100 *ли* от части без подорожной, представляли перед судом как беглые.

Раздел «Предписания по [Ведомству] наказаний» («Син лин» 刑令) является самым большим в кодексе и по числу статей, и по количеству охватываемых ими проблем. Он открывается пятью озаглавленными статьями, тогда как все остальные предписания не имеют собственных заголовков.

Первая из них называется «У син» 五刑, буквально: «Пять наказаний», а в точном юридическом смысле «Пять [видов] наказаний». Этим термином обозначалась исторически сложившаяся группа основных, наиболее часто применявшихся мер. Отсюда нередко встречающаяся в научной литературе интерпретация термина у *син* как «стандартные наказания».

Состав статьи «У син» на протяжении веков претерпевал изменения и окончательно сложился только в суйское время (518–618). Начиная с танского периода (618–907) закрепился единообразный порядок перечисления у *син* в юридических кодексах: они располагались по принципу усиления. Выстроенной таким образом лестнице наказаний придавалось большое практическое значение: она должна была служить в качестве инструмента для установления точного соответствия между проступком и тяжестью ответного возмездия. Однако несмотря на указанные тенденции к унификации, в комплектах «У син», применявшихся при разных династиях, продолжали существовать расхождения, особенно в части дополнительных показаний, присоединяемых к основной паре, а также в некоторых других моментах.

В минскую эпоху сюда входили: порка тонкими батогами (*чи* 笞, от 10 до 50 ударов), порка толстыми батогами (*чжан* 杖, от 60 до 100 ударов), высылка (*ту* 徒, на срок от одного до трех лет), пожизненная ссылка (*лю* 流, на расстояние от двух до трех тысяч *ли*) и смертная казнь (*сы син* 死刑). По традиции стандартные виды наказания подразделялись на степени (*дэн* 等), общее количество которых равнялось двадцати: по пять в порке тонкими и толстыми

батогами, а также в высылке, три в ссылке и две в смертной казни (в действительности это были ее разновидности: удушение и обезглавливание). Это деление было обусловлено стремлением установить надлежащее соотношение между совершенным преступлением и размером налагаемого за него наказания. Одна степень наказания в порке обоими видами батогов равнялась десяти ударам. Наказание, которое полагалось при высылке, на деле было комплексным: оно включало порку толстыми батогами от 70 до 100 ударов, удаление с постоянного места жительства на определенный срок, выполнение в течение всего этого времени принудительных работ и сковывание ног во время отбывания их железной цепью весом в три цзиня 斤 ($\approx 1,8$ кг). Одна степень данного наказания составляла 10 ударов батогами и полгода работ. Ссылка тоже была комплексным наказанием, поскольку все приговоренные к ней подвергались порке 100 ударами толстых батогов, а одна степень ее равнялась дистанции ссылки в 500 ли.

Следующая озаглавленная статья называется «Ши э» 十惡, буквально: «Десять злодеяний». Она представляет собой перечень из десяти рубрик. Содержание их в «Да Мин лин» не раскрыто, но дается в «уголовном» кодексе. Первая — подразумевала преступление, направленное против династии; вторая — против императора; третья — измену отечеству; четвертая — избиение или умысел убить деда, бабу, отца или мать, а также упомянутых родственников мужа; убийство дядей и их жен, тёток, старших братьев и сестер, деда или бабушки по матери, а также собственного мужа; пятая — убийство из одной семьи трех человек за вину, не наказуемую смертью; расчленение человека, завладение органами живого человека; изготовление и хранение ядов или наведение чар с целью погубить кого-нибудь; шестая — кражу священной утвари, используемой императором для большого жертвоприношения, экипажей, платья и других государственных вещей, похищение, а также подделку императорской печати; изготовление государственных лекарств не в соответствии с рецептом, ошибку в надписи на их упаковке; нарушение по оплошности пищевых запретов при приготовлении монаршей еды; ненамеренное изготовление для императорских поездок непрочных судов; седьмая — донос о преступлении, проклятие или словесное оскорбление деда, бабушки, отца или матери, а также аналогичные действия в отношении перечисленных родственников мужа со стороны жены; отдельную запись в списки населения, а равно и раздел имущества при жизни деда, бабушки, отца и матери; неудовлетворительное содержание их, самоличное

вступление в брак в период траура по отцу или матери; веселье, снятие траурного и ношение праздничного платья до окончания срока траура; сокрытие смерти деда, бабки, отца или матери и неоплакивание покойных, ложное заявление о смерти деда, бабки, отца или матери; восьмая — умысел убить или продать родственника, по которому положен трёхмесячный и более продолжительный траур; избиение и донос на мужа, а также на его родственников: старшего по поколению, по которому положен пятимесячный траур, или по возрасту, по которому, положен девятимесячный и более продолжительный траур; девятая — убийство подведомственным населением начальника области, округа или уезда, солдатами — возглавляющих их офицеров, делопроизводителями или служащими — начальника, имеющего пятый и более высокий ранг, учениками — учителя, у которого они обучаются, а также сокрытие смерти мужа и неоплакивание покойного, веселье, снятие траурного и ношение праздничного платья, а равно вступление в новый брак до окончания срока траура; десятая рубрика означала вовлечение в развратные сношения лиц, по которым следовало соблюдать пятимесячный и более продолжительный траур, наложниц отца или деда, а также вступление в развратные отношения с указанными лицами по взаимному согласию.

Как видно, семь из десяти рубрик включали не по одному, а по несколько преступлений, следовательно, термин *ши* э нужно понимать не как «десять злодеяний», а как «десять категорий/групп злодеяний». С точки зрения официальной идеологии и морали они являлись наиболее одиозными и предосудительными, а потому не подлежали никакой амнистии.

Третья статья называется «Ба и» 八議 («Восемь [оснований для] рассмотрения [дела в особом порядке]»). Она представляет собой перечень условий, предполагавших применение особого порядка судебного разбирательства в отношении некоторых категорий лиц. Эти условия именовались следующим образом: родство (с членами царствующего дома), давность пребывания при особе государя, подвиги, добродетель, способности (в делах), усердие, высокопоставленность (обладание титулом знатности или одним из трех первых чиновничьих рангов) и статус государственного гостя (что означало принадлежность к числу потомков прежде правивших династий).

При составлении «уголовного» кодекса к ним был присовокуплен официальный, т. е. принадлежащий кисти самих законодателей, комментарий, который более полно очерчивал и харак-

теризовал этих лиц. Обновленная таким образом статья была включена в «Да Мин люй 大明律» под тем же третьим номером и под тем же названием, что и в предписаниях. Более того, в дополнение к последней были подробно разработаны еще два закона. В одном были прописаны правила привлечения к уголовной ответственности обладателей привилегии *ба и*, процесс судопроизводства над ними и порядок вынесения им приговоров, в другом — более кратко трактовались те же нормы в отношении их ближайших родственников.

Четвертое озаглавленное предписание — «Откуп от наказания» — состоит из двух частей. В первой производятся данные о размере откупов медью взамен всех стандартных карательных мер, кроме смертной казни. В пределах каждого вида наказания откуп (*шу 贖*) возрастал в арифметической прогрессии. На рубеже, разделяющем два вида, как правило, происходил перерыв постепенности и вводилась новая разность. За 10 ударов тонкими батогами требовалось внести 0,5 *цзиня* (1 *цзинь* в минскую эпоху = 596,8 г) меди, следовательно, за 50 ударов полагалось 2,5 *цзиня*, за 10 ударов толстыми батогами — 1 *цзинь*, за 100 ударов — 5 *цзиней*, за полгода высылки — 20 *цзиней*, за 1 год — 120 *цзиней*, за 3 года — 200, за ссылку на расстояние не менее 500 *ли* требовалось уплатить тоже 20 *цзиней*, так что в данном случае арифметическая прогрессия сохранялась и приговоренный к ссылке за пределы 3000 *ли* мог откупиться от этого наказания за 260 *цзиней*. Во второй части статьи дается разъяснение, кому была предоставлена возможность откупа. Ее получали лица старше 70 и моложе 15 лет, а также, говоря современным языком, инвалиды первой и второй группы, совершившие преступления, караемые поркой тонкими и толстыми батогами, высылкой и ссылкой. Если они действовали по чьему-либо наущению, то к ответу привлекались подстрекатели. Однако это предписание не распространялось на виновных в краже, убийстве и в каком-либо из десяти злодеяний. Приговоренные к высылке или ссылке единственные кормильцы дедов, бабок, отцов и матерей, достигших 80 и более лет, также могли, после полагающейся порки батогами, откупиться от оставшейся части этих наказаний.

Содержание последнего озаглавленного предписания — «Орудия наказаний» — ясно из его заголовка. В нем приводятся сведения о семи типах экзекутивных орудий, а именно: шейных колодках, ручных колодках, ножных колодках, железных тросах длиной в один *чжан* (около 3 м), тонких батогах, толстых батогах, пыточных батогах. Остальные статьи этого раздела содержат

общие принципы применения законов, различные предписания, относящиеся к уголовно-процессуальной сфере в самом широком смысле, например правила освидетельствования трупов, содержания узников в тюрьмах, перечень мест отбывания принудительных работ лицами, приговоренными к высылке, порядок регистрации жалоб и т.д.

Последний раздел «административного» кодекса «Предписания [по Ведомству] работ» («Гун лин» 工令) состоит всего из двух статей. Одна должна была обеспечить надлежащее изготовление воинского оружия и снаряжения, другая — атласных шелков.

Формально и фактически «Да Мин лин» оставался в силе на всем протяжении существования Минской империи. Это вполне объяснимо и понятно, поскольку в нем содержались предписания относительно различных сторон государственного и общественного устройства, которые не нашли отражения в «уголовном» кодексе. Более того, подавляющая часть предписаний затем в расширенном виде за счет конкретизации допущенных правонарушений и присовокупления полагающихся за них наказаний была включена в разные главы сборника минских законов — «Да Мин люй». Помимо этого, в последний была внесена специальная статья — «Нарушение предписаний» («Вэй лин» 違令). Она применялась в тех случаях, когда не соблюдался какой-нибудь запрет, содержащийся в предписании, а в уголовном кодексе отсутствовала соответствующая квалификация преступления. Вместе с тем некоторые предписания вышли из употребления, если не целиком, то в какой-то степени, уже при Чжу Юань-чжане. К их числу относятся, например, траурные нормы, которые частично были пересмотрены к моменту создания последнего варианта «Да Мин люй», если еще не раньше.

О законах, составленных «комиссией» Ли Шань-чана, практически ничего неизвестно. В летописи правления основателя Минской империи имеется лишь запись о том, что они «целиком ориентировались на танскую старину», и приводится перечень статей по таким же точно шести разделам, на какие членятся предписания. Согласно ему, в первом разделе («Ли люй» 吏律 «Законы [по Ведомству] чинов»), насчитывалось 18, во втором («Ху люй» 戶律 «Законы [по Ведомству] финансов») — 63, в третьем («Ли люй» 禮律 «Законы [по Ведомству] церемоний») — 14, четвертом («Бин люй» 兵律 «Законы по Военному [ведомству]») — 32, пятом («Син люй» 刑律 «Законы [по ведомству] наказаний») — 150 и шестом («Гун люй» 工律 «Законы [по ведомству] работ») — 18 статей. По-

скольку оригинал сборника 1367 г. не сохранился, то невозможно установить, действительно ли в нем присутствовала подобная систематизация или авторы летописи перенесли на него позднейшую и ставшую затем традиционной классификацию, введенную только в 1389 г. при составлении очередного сборника законов.

Вслед за распоряжением об обнаружении книги, составленной «комиссией» Ли Шань-чана, Чжу Юань-чжан повелел группе сановников-конфуцианцев под руководством главы Верховного ревизионного приказа (*Да ли сы* 大理寺) Чжоу Чжэня выбрать из нее статьи, касающиеся повседневной жизни народа, прокомментировать их смысл, отпечатать и разослать по округам и уездам для ознакомления с ними населения. Эта книга получила название «Люй лин чжи цзе» 律令直解 («Законы и предписания с популярными комментариями»). Просмотрев ее, Чжу Юань-чжан с удовлетворением сказал: «[Теперь] мой народ сможет [совершать] меньше преступлений».

Забота о пропаганде правовых знаний (она нашла отражение даже в «уголовном» кодексе империи) являлась одной из характерных черт правления первого минского государя. Однако, помимо профилактики преступлений, она, очевидно, преследовала и другую цель: установление социального контроля снизу за деятельностью административного аппарата. Приведенный выше наказ Чжу Юань-чжана «комиссии» 1367 г. и оценка Ся Се 夏燮 (1800–1875), автором «Мин тун цзянь» 明通鑑 («Полного отображения [истории династии] Мин»), составления «Люй лин чжи цзе» как мероприятия, направленного на то, чтобы каждый человек получил возможность ознакомиться с законами, а чиновники не могли, используя благоприятные возможности, совершать преступления, достаточно красноречиво свидетельствуют об этом.

Кодекс, созданный «комиссией» Ли Шань-чана, оказался недолговечным: в январе 1374 г. глава Ведомства наказаний Лю Вэй-цзянь и другие лица получили повеление составить новые законы. Источники не сообщают ни причин издания этого указа, ни численного состава, ни имен других членов образованной для этой цели комиссии. Внутренние события того времени также не дают ответа на вопрос, почему именно в данный момент назрела необходимость кардинального пересмотра действующего кодекса.

Работа «комиссии» Лю Вэй-цзяня протекала при постоянном внимании к ней императора. Каждый составленный раздел переписывался набело и представлялся ему на рассмотрение. Рукопись расклеивалась на стенах двух крытых галерей дворца, очевидно, для ознакомления и обсуждения ее высшими сановниками.

«Комиссия» завершила составление своего труда не позднее середины апреля 1374 г., потратив на него от 9 до 13 недель. В новый сборник было включено: 288 «старых законов»; 36 статей, являвшихся результатом переработки предписаний; 123 статьи «отобранных из танских законов для восполнения пробелов»; 31 статья, представлявшая собой «законы, составленные в связи с каким-нибудь делом» (возможно, в основу их были положены судебные решения, вынесенные по различным случаям), и 128 статей «дополнительных законов» (*сюй люй* 續律). Источники, историки китайского права, юридические и энциклопедические словари не поясняют, что кроется за последним названием, но, по-видимому, в отличие от предыдущей 31 статьи, они были созданы чисто умозрительным путем.

Эти 606 статей по примеру танского кодекса были разбиты на 30 глав и одновременно сгруппированы в 12 разделов: «Вэй цзинь» 衛禁 «Охрана запретных мест», «Чжи чжи» 職制 «Должностные обязанности чиновников», «Ху хунь» 戶婚 «Домохозяйства и бракосочетания», «Цзю ку» 廩庫 «Конюшни и хранилища», «Шань син» 擅興 «Самовольные действия [в отношении войска и строительства]», «Дао цзэй» 盜賊 «Разбой и воровство», «Доу сун» 鬪訟 «Драки и тяжбы», «Чжа вэй» 詐僞 «Мошенничество и подделки», «Цза люй» 雜律 «Разнородные законы», «Бу ван» 捕亡 «Аресты и побег», «Дуань юй» 斷獄 «Вынесение приговоров и тюрьмы», «Мин ли» 名例 «Меры [наказаний] и принципы [применения законов]». Приведенные наименования полностью соответствовали оглавлению танского кодекса.

Чжу Юань-чжан распорядился обнародовать и ввести в действие новый законодательный сборник. Он получил наименование «Да Мин люй».

Некоторая законодательная деятельность продолжалась и в последующие годы: производился пересмотр отдельных статей и создавались новые законы. Так, в ноябре 1367 г., читая «Да Мин люй», Чжу Юань-чжан счел, что в нем все еще имеются неточные положения, в связи с чем канцлер Ху Вэй-юн (胡惟庸, ум. 1380) и другие лица получили задание исправить 13 статей. Весной 1383 г. глава Ведомства наказаний Кай Цзи (開濟, ум. 1383) по императорскому повелению составил законы о мошенничестве и подделках. Осенью следующего года были утверждены законы о наказании чиновников из коренного населения (*ту гуань* 土官) в районах проживания национальных меньшинств.

Однако эти данные являются далеко не полными. Такой вывод следует из доклада Ведомства наказаний о том, что сотрудники

судебных присутствий на местах и вновь назначенные чиновники не в состоянии держать в памяти сокращения и добавления к законам, сделанные на протяжении последних лет. Поскольку такая ситуация имела следствием вынесение неправильных приговоров, Ведомство просило произвести классификацию действующих статей и опубликовать их, чтобы чиновники «в столице и на местах знали, чего придерживаться». Чжу Юаньчжан приказал Академии Ханьлин 翰林 совместно с чиновниками Ведомства наказаний рассмотреть все добавления последних лет, «примирить» их смысл, произвести классификацию и внести в кодекс.

В 8-м месяце 22 года (21.VIII – 19.IX.1389 года) царствования Чжу Юань-чжана эта работа завершилась кардинальной ревизией последнего. В новой редакции осталось всего 460 статей. Они были сгруппированы в семь разделов, которые подразделялись на 30 глав.

С точки зрения тематической компоновки материала новый кодекс значительно отличался от предыдущего. Новый законодательный сборник отличали более продуманная и логическая систематизация материалов. Принятая в нем классификация законов стала впоследствии традиционной. Она просуществовала в течение всего минского периода и была воспринята составителями кодекса маньчжурской династии Цин (1644–1911).

По приказу Чжу Юань-чжана новый кодекс сразу же был опубликован и введен в действие.

Уже в период правления Чжу Юань-чжана наряду с законами стал применяться еще один вид правовых установлений — так называемые *ли* 例. В отличие от первых, рассчитанных (пусть даже только в теории) на длительный срок, последние издавались в качестве временной меры, призванной дополнять и нужным образом корректировать основные законы. Поэтому термин *ли* вполне правомерно понимать как дополнительное постановление.

В 28-м году царствования Чжу Юань-чжана (22.I.1395 – 31.I.1396) Ведомство наказаний обратилось к императору с докладом относительно необходимости очередного пересмотра действующего законодательства, поскольку «законы и дополнительные постановления не совпадают друг с другом». Однако император отклонил это предложение, сославшись на указанное выше разное назначение этих видов правовых установлений и отметив, что он приказал составить законы на длительный срок.

Тем не менее полтора года спустя пересмотр кодекса стал совершившимся фактом. 29 мая 1397 г. была составлена его новая версия, которую источники именуют «Да Мин люй гао» 大明律誥

(«Законы Великой [династии] Мин [с добавлениями из “Великих] рескриптов”»).

«Да гао» 大誥 («Великие рескрипты») — сокращенное наименование двух сборников императорских посланий, адресованных всем подданным империи, и прежде всего служащим административного аппарата. Один из этих сборников состоит из трех частей. Первая была подготовлена к печати в ноябре 1385 года и вышла под названием «Юй чжи да гао» 御製大誥 («Высочайше составленные великие рескрипты»). Работа над второй — «Юй чжи да гао суй бянь» 御製大誥續編 («Продолженное издание “Высочайше составленных великих рескриптов”») — и третьей частью — «Юй чжи да гао сань бянь» 御製大誥三編 («Третье издание “Высочайше составленных великих рескриптов”») — соответственно была закончена в апреле 1386 и январе 1387 г.

Все рескрипты, помещенные в «Да гао», пронумерованы, и, кроме того, имеют собственные заголовки, чем напоминают оформление статей «уголовного» кодекса. Всего в указанном сборнике насчитывается 204 статьи: 74 в первой, 87 во второй и 43 в третьей части.

Основное содержание рескриптов — обличение злоупотреблений и неблагоприятных действий различных властей и нечиновных лиц, часто сопровождающееся вынесением суровых, в том числе калечащих, наказаний виновным, нередко не предусмотренных кодексом.

Второй сборник чжююаньчжановских посланий, в название которого входят иероглифы *да гао*, включает 32 статьи, избличающие неблагоприятные поступки и преступления военных чинов. Он был составлен в 12-м месяце 20-го года царствования Чжу Юаньчжана (10.I.–7.II.1388 г.). Его полное наименование «Да гао у чэнь» 大誥武臣 («Великие рескрипты военным сановникам»).

Составлением и изданием «Да гао» Чжу Юань-чжан стремился добиться искоренения различных пороков и недостатков в управлении страной, улучшения общественных нравов, соблюдения бюрократией и населением законов и распоряжений центральной власти. В этой связи становится понятным то исключительно большое значение, которое основатель минской династии придавал популяризации «Да гао»: было введено изучение его в школах; узникам, имевшим эту книгу, облегчали наказание; в 1397 г. более 193 400 побывавших на аудиенции у императора наставников и студентов, умевших толковать данное сочинение, получили денежные подарки.

В период правления Чжу Юань-чжана «Великие рескрипты» превратились в источник прецедентного права, что, несомненно, произошло по прямому повелению императора. Более того, при составлении окончательного варианта «уголовного» кодекса Чжу Юань-чжан не только не считал нужным объявить «Да гао» утратившими юридическую силу, а, наоборот, повелел чиновникам шести ведомств и Палаты всеобщего контроля (*Ду ча юань* 都察院) выбрать из него важные моменты и дополнительно внести их в законы. Эта расплывчатая формулировка повторяется во всех важнейших памятниках об истории Минской эпохи, и лишь недавно Ю Шаоинь 游紹尹 и Ян Ифань 楊一凡, авторы статьи о «Да Мин люй» в «Большой китайской энциклопедии» [3], уточнили, правда, не указав своих источников, что реализация этого распоряжения вылилась в помещение 147 статей из «Да гао» после 460 законодательных статей. Кроме того, утверждают они, в 78 последних были внесены некоторые исправления. Что же касается структуры, количества разделов, глав и статей, то новый вариант не отличался от предыдущего. Необходимость составления этой книги император в предисловии к ней и в речи, произнесенной по поводу завершения работы над нею, мотивировал недостаточным знанием законов народом.

Таким образом, в результате 30-летней работы был создан окончательный вариант минского уголовного кодекса. Китайские историки права дают ему чрезвычайно высокую оценку, определяя его как высшую ступень в развитии китайского законодательства дореспубличанского периода.

Законы, включенные в кодекс 1397 г., сохранились в первоначальном виде вплоть до конца эпохи Мин, ибо, чтя священную волю основателя династии, завещавшего потомкам соблюдать их, последующие императоры не вносили в их текст никаких изменений. Лишь приложение из «Да гао» к середине минского периода постепенно вышло из употребления.

Несмотря на кажущуюся «неподвижность» китайского традиционного общества, объективные исторические условия хотя и медленно, но все же менялись. В качестве инструмента приведения законодательных норм в соответствие с реальной обстановкой в минское время использовались дополнительные постановления. Юридические документы такого рода, относившиеся ко времени правления Чжу Юань-чжана, по-видимому, были отменены в связи с созданием кодекса 1397 г. В дальнейшем каждый новый император при вступлении на престол аннулировал дополнительные постановления своего предшественника. Однако

после царствования Чжу Цзянь-шэня 朱見深 (28.XI.1464 – 9.IX.1487) двор отказался от этой практики. Следствием этого шага явилось резкое увеличение количества дополнительных постановлений, поскольку они, как правило, составлялись в связи с отдельными частными случаями при отсутствии какого-либо руководящего начала. Наличие многочисленных, зачастую противоречивших друг другу законодательных актов затрудняло деятельность судей, юридическая подготовка которых к тому же оставляла желать лучшего, и создавало благодатную почву для совершения различных злоупотреблений со стороны корыстолюбивых и не слишком честных чиновников.

Летом 1492 года глава Церемониального приказа (*Хун-лу сы* 鴻臚寺) Ли Суй (李鏞, 1447–1528) представил на высочайшее имя доклад, в котором просил сократить количество дополнительных постановлений. Его просьба была поддержана и дополнительно обоснована главой Ведомства наказаний Пэн Шао (彭韶, 1430–1495). Согласившись с их доводами, император Чжу Ю-тан 朱祐樞 (на троне 22.IX.1487 – 8.VI.1505) повелел последнему вместе с другими сановниками произвести упорядочение действующего законодательства. Результаты их труда, к сожалению, не зафиксированы в источниках.

Новое обращение верховной власти к правовым проблемам иногда связывается с гибелью в огне пожара дворца Цин-нин-гун 清寧宮 1 февраля 1499 г. Это было расценено как грозное указание Неба на серьезные изъяны в делах правления. В целях искоренения негативных явлений император издал указ, в одном из пунктов которого говорилось о недостатках действующего законодательства и необходимости его совершенствования. Во исполнение его главам Ведомства наказаний, Палаты всеобщего контроля и Верховного ревизионного приказа надлежало вместе с другими крупными сановниками тщательно проанализировать дополнительные постановления и отобрать из них пригодные для долговременного употребления, с тем чтобы ввести их в действие на территории всей страны в качестве руководства наряду с «Да Мин люй» при рассмотрении судебных дел. В итоге была составлена компиляция из 279 статей, утвержденных монаршим эдиктом от 5 марта 1500 г.

Она оставалась в силе в течение почти полувека, и лишь в конце 1548 г. было принято решение о ее пересмотре. Работа над новым сборником продолжалась более двух лет и закончилась в последний день января 1551 г. В него было включено 249 статей. В это число вошли дополнительные постановления, изданные по-

сле вступления на престол Чжу Хоу-цзуна 朱厚燄 (на троне 27.V.1521–23.I.1567), а также часть не утративших своего значения законоположений из старой компиляции. Повторное издание этого собрания, осуществленное в 1555 году, содержало 385 статей.

Очередное упорядочение действовавшего законодательства было проведено в царствование Чжу И-цзюня 朱翊鈞 (на троне 19.VII.1572–18.III.1620). В мае 1585 г. комиссия, руководимая главой Ведомства наказаний Шу Хуа (舒化, 1539–1589), составила новый сборник дополнительных постановлений. Он насчитывал 282 статьи, половина их была заимствована без каких-либо изменений из предыдущего издания, во вторую половину вошли акты, опубликованные после 1555 г.

В 1641 г. глава Ведомства наказаний Лю Цзэ-шэнь (劉澤深, ум. после 1645) обратился к последнему минскому императору с докладом о необходимости пересмотра и унификации дополнительных постановлений, и, хотя Чжу Ю-цзянь 朱由檢 (на троне 2.X.1627–25.IV.1644) полностью разделял его точку зрения, кризис империи, рушившейся под ударами массовых народных восстаний и маньчжурского войска, вторгшегося в северо-восточные районы страны, не позволил приступить к осуществлению этой задачи.

Из всего изложенного следует, что «уголовное» право Минской империи состояло из двух пластов: законов, составленных при родоначальнике династии и не утративших силы при его преемниках («Да Мин люй»), и главным образом детализировавших их дополнительных постановлений (*ли*), созданных при последующих императорах. Большинство их имело ограниченное действие во времени, а некоторые и в пространстве.

Уголовные установления эпохи Мин, несмотря на присущую им специфическую форму, содержат большой фактический материал по самым разным вопросам, слабо представленный, а то и вовсе отсутствующий в других источниках. Знакомство с ним позволяет расширить и углубить знания об указанном времени китайской истории.

Источники и литература

1. Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли) / Пер. с кит., исслед., примеч и прилож. Н. П. Свистуновой. М.: Восточная литература. Т. 1 (1997); Т. 2 (2002); Т. 3 (2012); Т. 4 (2019).

2. Да Мин лин 大明令 (Предписания Великой [династии] Мин) // Хуан Мин чжи шу 皇明制書 (Распоряжения августейшей Мин). Т. 1. Тайбэй: Чэн-вэнь чубань-шэ 成文出版社, 1969.

3. Ю Шао-инь, Ян И-фань 游紹尹, 楊一凡. Да Мин люй 大明律 (Законы Великой [династии] Мин) // Чжунго дабайкэ цюань-шу: фасюэ 中國大百科全書: 法學 (Большая китайская энциклопедия. Право). Пекин: Чжунго дабайкэ цюаньшу чубань-шэ 中國大百科全書出版社, 1980.

Nataliya P. Svistunova*

**From the History of Ming Law System:
«Da Ming Ling» Code**

ABSTRACT: The present article is a general outline of the history of the emergence and formation of the legal system of the Ming Empire (1368-1644) and its most important texts (first of all “Da Ming Ling”). The article outlines the most important aspects of their structure and content.

KEYWORDS: Ming, China, law code, Da Ming ling, Da Ming lü, Zhu Yuan-zhang

---

* Svistunova Nataliya Pavlovna, Ph. D. (History), Leading Research Associate, China Department, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow), leMBERG1010@yandex.ru